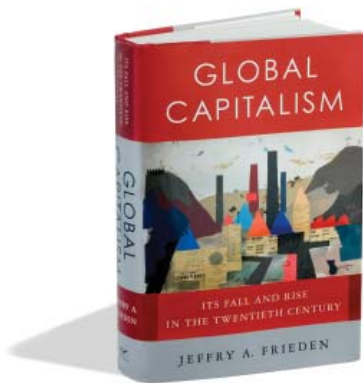

Проигравшие от глобализации

Jeffrey A. Frieden

Global Capitalism Its Fall and Rise in the Twentieth Century

W.W. Norton, New York, 2006, 448 pp., \$29.95 (cloth).

Джеффри Фриден ясно и динамично изложил то, что в настоящее время стало почти стандартным общепринятым представлением о глобализации за последние сто лет. Он описывает U-образный процесс, в ходе которого в конце XIX века произошла существенная интеграция рынков труда, товаров и капитала, которая впоследствии была обращена вспять в результате Первой мировой войны и Великой депрессии. По окончании Второй мировой войны глобализация вновь стала постепенно набирать силу, но ее темпы ускорились в 1970-е годы, что привело к стремительному распространению технологических достижений и значительному повышению благосостояния.

Как ученый-политолог Фриден также глубоко интересуется политическими аспектами глобализации. В любом процессе перемен есть выигравшие и проигравшие, причем устойчивость системы зависит, по его мнению, от того, как решается проблема проигравших. До Первой мировой войны проигравшей стороной была старая землевладельческая элита Европы и, возможно, рабочие, которые понесли издержки корректировки в условиях валютного режима золотого стандарта.

Фриден, как и Карл Поланый, считает, что корректировка золотого стандарта в условиях политической ответственности или демократизации — это трудная или даже невыполнимая задача. Поэтому в период между войнами наблюдался как крах

демократии, так и попытка возродить золотой стандарт. Вместе с тем, по словам Фридена, в период непосредственно после 1945 года демократию во многих странах (в первую очередь он имеет в виду Западную Европу) удалось спасти благодаря принятию идей Кейнса и реализации вдохновленных ими мер политики, направленных на повышение благосостояния. Такие меры политики были осуществимы в пределах отдельных стран, однако это положение изменилось в связи с ростом издержек корректировки на фоне реальной волны глобализации, нахлынувшей после 1970-х годов.

В заключение Фриден рассматривает не только неудачи глобализации — особенно в очень бедных государствах, которые остаются вне системы открытых рынков товаров, труда и капитала, — но и растущие проблемы в мире, обусловленные глобализацией и исходящие от богатых стран, население которых убеждено, что международная торговля и иммиграция негативно отражаются на доходах. Особенно удачно Фриден излагает политическую реакцию на глобализацию. Его анализ различных объяснений воздействия торговли на доходы, предложенных такими теоретиками, как Эли Хекшер, Бертил Олин, Вольфганг Столпер и Пол Самуэльсон, представлен в простой и понятной форме.

Однако в работе Фридена поднимаются проблемы, которые по существу так и остаются нерешенными. В некоторых случаях он, по-видимому, придерживается достаточно жесткой позиции экономического детерминизма, хотя выводы о воздействии экономических структур на политические результаты иногда носят разнонаправленный характер: так, на странице 196 он настаивает на том, что в 1920-е и 1930-е годы «каждая страна-должник пошла по пути фашистского или националистического автаркического режима; каждая страна-кредитор осталась демократической и верной курсу международной экономической интеграции». Подобный механизм, при котором популистская враждебность по отношению к навязанному извне долговому бремени отвращает избирателей и политиков от интернационализма, понять проще, чем проследить логику утверждения о том, что в иных обстоятельствах долговые кризисы содействовали демок-

ратии (например, в кризисных ситуациях в странах Латинской Америки в 1980-е годы). Если это так, то логическая связь между задолженностью и демократизацией не совсем ясна. Но в каждом случае политика движения экономикой.

Впрочем, в других ситуациях Фриден придает большое значение независимости политических решений: бедность стран объясняется прежде всего тем, что их правители сделали неправильный политический выбор. Или же (что, возможно, еще более поразительно ввиду тезиса о взаимосвязи задолженности с диктатурой в 1930-х годах) он уверяет нас, что в Германии — которая представляет собой наиболее важный и губительный пример краха демократии в межвоенный период, — «как показал последующий анализ, чтобы остановить нацистов, было бы достаточно даже ограниченных мер, направленных на стимулирование экономики» (стр. 177). Он не касается по существу главного, по крайней мере для XX века, вопроса: какие возможности для маневра были у политиков. Из-за этого остается неясным, каким образом следует отобразить в конкретных предлагаемых мерах политики общую обеспокоенность неопределенностью и недовольством, которые сопряжены с глобализацией.

Следует также предупредить читателя о том, что данная книга в гораздо большей мере представляет собой историю глобализации, чем историю глобального капитализма. В ней уделяется мало места обсуждению национальных различий, присущих капитализму, или анализу проблемы особых региональных моделей. В книге скорее предполагается, чем доказывается, что с исторической логикой согласуется одна форма капитализма, а именно та форма, в которой доминирующее положение занимают крупные, управляемые менеджерами транснациональные корпорации с диверсифицированной структурой собственности, деятельность которых осуществляется в целом на одних и тех же принципах корпоративного управления в любой стране. Теперь, когда глава компании IBM провозгласил, что эпоха многонациональных корпораций закончилась, возможно, стоит поставить под сомнение и стандартный постулат о существовании лишь одной разновидности капитализма.

Хэрولد Джеймс,
Принстонский университет

Элиса Дил — редактор «Книжного обозрения».

Не время спать

Guillermo A. Calvo

Emerging Capital Markets in Turmoil

Bad Luck or Bad Policy?

MIT Press, Cambridge, Massachusetts, 2006, 547 pp., \$45.00 (cloth).

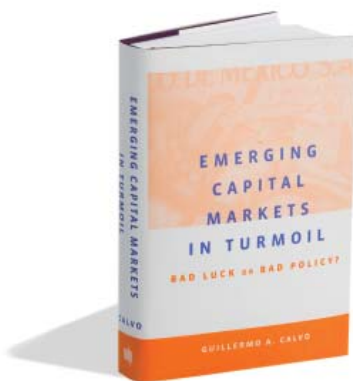
В начале 1990-х годов План Брейди, в соответствии с которым необслуживаемые ссуды коммерческих банков были реструктурированы в обращающиеся на рынке облигации, ознаменовал собой последнюю волну притока капитала в страны с формирующимся рынком. В этом году, когда страны Латинской Америки одна за другой погашают облигации Брейди, создается ощущение, что эпоха подходит к концу. На протяжении всего этого периода Гильермо Кальво находился в центре дискуссий о характере и эффективности этих потоков капитала, которые велись в МВФ, Межамериканском банке развития и научных кругах. В комедии и науке выбор времени решает все. Нельзя представить более удачного момента для публикации этой книги.

В этом издании собраны все значимые статьи Кальво о потоках капитала и кризисах, начиная с работы, написанной совместно с Лейдерманом и Рейнхарт, которая еще в 1993 году поставила вопрос об устойчивости новой волны притока капитала. В этих статьях отмечается, что капитал, по-видимому, в равной мере направлялся в те страны с формирующимся рынком, которые гораздо дальше продвинулись по пути структурной реформы, и в те, которые только встали на этот путь. Это указывает на роль условий на глобальных финансовых рынках (таких как имеющаяся в избытке ликвидность, процентные арбитражные операции и рост допустимых с точки зрения инвесторов уровней риска) на структуру потоков капитала. А если глобальные условия были столь важным фактором, определяющим направление потоков капитала, то, предупреждал Кальво, возможно, что при повышении процентных ставок в США и ужесточении глобальных финансовых условий эти потоки могут обратиться вспять, и весь карточный домик рухнет. Вам это ничего не напоминает?

Многие из нас обычно забывают, может быть, из-за свойственной Кальво мягкой манеры изложения, все те интеллектуальные и политические дискуссии последних 15 лет, в которые он внес фундаментальный вклад. Он был одним из первых, кто поднял вопрос о применимости хорошо извест-

ных моделей первого поколения, объясняющих денежно-кредитные и налогово-бюджетные истоки кризисов, к волне финансовых кризисов XXI века, начавшейся в Мексике в 1994 году. Он был одним из первых, кто подчеркнул роль финансовых факторов, таких как высокие уровни краткосрочного долга и несоответствия валют активов и обязательств. Точно так же он был среди первых, кто связал так называемые модели второго поколения с множественными равновесиями. Он понял, как можно перекинуть мост от этих моделей к распространенным дискуссиям о цепной реакции и как можно придать аналитическую строгость этой последней концепции. И он убедил в правильности своих аргументов, продемонстрировав их применимость к кризисам в Мексике, России (1998 год) и Аргентине (2001–2002 годы).

Его воздействие на политику проявлялось медленнее. В ряде недавних комментариев Кальво описывает, почему его новаторские работы, написанные в бытность его советником

МВФ, были встречены скептически. Официальным лицам не нравилось, когда им говорили, что появившаяся у инвесторов готовность предоставлять займы развивающимся странам не была подтверждением чудес, связанных с программами структурных реформ, поддерживаемыми МВФ. Они менее чем сочувственно отнеслись к идее о том, что даже страны с низкой инфляцией и сбалансированными бюджетами все равно подвержены кризисам. Лично поработав в МВФ, могу подтвердить, что немало высокопоставленных сотрудников считали такое внимание к цепной реакции и самореализующимся кризисам просто модой и полагали, что поглощенность этой организации проблемами финансовой неустойчивости представляла собой опасный отход от более фундаментальных вопросов денежно-кредитной и налогово-бюджетной политики. Поэтому тем более поразительно, как много ключевых концепций Кальво сегодня являются общепринятой точ-

кой зрения в МВФ и неотъемлемой частью его текущей деятельности.

Один не совсем убедительный момент в анализе касается рассуждений Кальво о значении этих идей для реформы международной финансовой архитектуры. Он утверждает, что уязвимость стран с формирующимся рынком — даже тех, которые демонстрируют устойчивые основные показатели денежно-кредитной и налогово-бюджетной политики, — к неожиданным остановкам и изменению направленности потоков капитала наводит на мысль о глобальном фонде экстренной помощи, который бы управлялся международным кредитором последней инстанции. Можно подозревать, что в высших эшелонах МВФ эта мысль найдет больше понимания, чем некоторые из прежних блестящих идей Кальво. На практике, однако, она поднимает серьезные вопросы морального риска как для правительств этих стран, так и для международных инвесторов.

Сборники статей, даже столь значительных, часто вызывают неоднозначную реакцию. Перечитывание их напоминает просмотр любимого старого фильма: элемент неожиданности отсутствует, но зритель способен лучше оценить мастерство режиссера. И Кальво действительно пытается научить нас чему-то о мастерстве экономиста. Он объясняет, что многие экономисты находятся в крайних точках методологического спектра: они либо работают над открытиями, либо решают прикладные задачи. Среди них есть высококвалифицированные теоретики, способные построить элегантные абстрактные модели, формализующие новые идеи, и прикладные экономисты, занятые осмыслением экономических данных, но при этом лишь немногие из них обладают интеллектуальной широтой и способностью трудиться без сна и отдыха, что является необходимым условием работы в обеих областях одновременно.

Кальво внес фундаментальный вклад как в теорию, так и в политику. И все же больше впечатляет то, что он не придерживался какой-либо последовательности — теория в молодости, работа в области экономической политики в более зрелом возрасте, — а занимался всеми этими проблемами параллельно, на протяжении всей своей долгой карьеры. Наиболее сильное впечатление, создаваемое книгой Кальво, состоит в том, что всем нам нужно меньше спать и, подобно ему, быть в своей работе ближе к центру методологического спектра.

*Барри Айхенгрин,
Калифорнийский университет, Беркли*

Плановики и искатели

William Easterly

The White Man's Burden

Why the West's Efforts to Aid the Rest Have Done So Much Ill and So Little Good

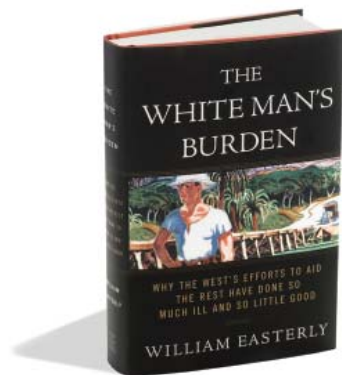
Penguin Group, New York, 2006, 400 pp., \$27.95 (cloth).

Уильям Истерли делит тех, кто занимается вопросами помощи в целях развития, на «плановиков» и «искателей». Главный плановик — это Джеффри Сакс, который в своей последней книге «The End of Poverty» утверждает, что для решения проблемы бедности требуется лишь направлять много денег и применять последние технологии. Основопологающая предпосылка Сакса заключается в том, что страны попадают в «ловушку бедности», в которой бедность порождает бедность. Предлагаемое им решение состоит в том, чтобы ООН, при содействии доноров и международных финансовых организаций, координировала масштабные усилия, призванные помочь странам разработать комплексные планы для достижения к 2015 году Целей в области развития Декларации тысячелетия.

Истерли увлекательно доказывает, что этот подход безнадежно ошибочен. В обзоре помощи и развития, включающем, сверх того, раздел, посвященный колонизации и военной интервенции, яркие актуальные истории чередуются с тщательно отобранными примерами из отдельных стран и серьезными рецензиями на публикации в области экономики и развития.

Один из основных тезисов автора заключается в том, что хотя за прошедшие десятилетия современные бедные страны получили значительную помощь, это, по-видимому, не принесло им большой пользы; организации, занимающиеся оказанием помощи, в большинстве случаев неподотчетны, особенно перед предполагаемыми получателями этой помощи; имеется очень мало фактических данных, подтверждающих концепцию «ловушки бедности» в мире: сегодня бедные страны отличаются от входивших в эту категорию в предыдущие десятилетия; а импульс, необходимый для устойчивого развития, должен исходить от самих стран, а не извне.

В книге больше критики, чем решений. Истерли всячески старается подчеркнуть, что у него нет альтернативного комплексного решения проблемы развития. Однако он настаивает на необходимости серьезно пересмот-

реть ожидания, возлагаемые на помощь и, в более общем плане, иностранное участие: иностранцы не могут принести с собой экономический рост и развитие, но они могут, если избавятся от грандиозных иллюзий, помочь некоторой части наиболее бедного населения. Развивая данный аргумент, он предлагает иной взгляд на помощь: доноры должны быть «искателями», которые экспериментируют с идеями, получают обширную обратную связь от предполагаемых получателей помощи и воспринимаяют эффективные методы работы без предубеждений. Разумеется, интереснее быть плановиком — говорить об искоренении бедности уже приятно, даже если из этого ничего не выйдет.

В итоге критика внешних решений в книге звучит более убедительно, чем критика планирования. Истерли не вступает в серьезную полемику о роли крупных инициатив, осуществляемых под эгидой государств, или других проявлений планирования, скажем, в успехе многих стран Восточной Азии, явивших собой экономическое чудо. Не подвергается достаточно критическому изучению и мысль о том, что в некоторых странах и при определенных обстоятельствах крупные и скоординированные инвестиции способны стать катализатором развития. В то же время более убедительно показано, с какой легкостью доноры (так же как и интервенты и колонизаторы) способны обмануть себя относительно перспектив радикальных внешних решений. Уже по этой причине слова Истерли следует не забывать всем, кто занимается вопросами развития на практике, причем не только в противовес высказываниям Сакса, но и чтобы напомнить нам о необходимости подумать дважды.

Во взглядах Истерли и Сакса прослеживается одна общая мысль: учреждения, занимающиеся оказанием помощи, в том числе МВФ, работают почти непостижимо плохо. Для Сакса эти организации недостаточ- но амбициозны, тогда как, по мнению

Истерли, они слишком погружены в планирование централизованных решений. То, что два этих экономиста могут столь принципиально расходиться в суждениях о причинах неудач этих организаций, говорит о том, что оба они, возможно, что-то упускают из виду. Планирование, которое Истерли представляет в неблагоприятном свете, доминирует в рассуждениях Сакса, Боно и других звезд в мире развития. Вместе с тем большинство практиков, занимающихся вопросами развития, признает необходимость проверки решений на местах и поиска решений, инициатива которых исходит от самих стран. Однако это трудновыполнимая задача. Наличие огромной и крайне острой проблемы, желание помочь и отдельные частичные успехи во вполне понятным причинам побуждают продолжать поиск решения. В опубликованной в прошлом году книге «The World's Banker» Себастиан Мэллаби демонстрирует больше понимания, рассматривая факторы, приведшие к нынешней ситуации, а в издании «The Macroeconomic Management of Foreign Aid: Opportunities and Pitfalls», опубликованном МВФ в прошлом году, в одном томе представлен взвешенный, хотя и более технический обзор текущих дебатов по вопросам помощи.

Стремление соединить идеи Сакса и Истерли или обнаружить некоторую общность между ними вызывает сомнения — их концепции так несхожи между собой, — но ему невозможно противостоять. Что касается нашей работы в МВФ, то мы могли бы принять во внимание два довода в стиле Истерли. Во-первых, экономисты немного знают о том, как запустить процесс экономического роста, а во-вторых, решения, навязанные извне, редко дают результаты. Поэтому мы должны тщательно взвешивать нашу реакцию, когда страна-получатель помощи заинтересована, например, в значительном расширении масштабов госинвестиций. Не следует безапелляционно заявлять, что это не сработает; наша задача как «искателей» состоит в том, чтобы помочь разработать план, позволяющий добиться максимальных результатов на основе такого подхода. С другой стороны, когда страна отдает предпочтение стратегии, предусматривающей рост экономики за счет экспорта и уменьшение зависимости от помощи, мы должны поддержать и такой выбор, даже если при этом придется позаимствовать некоторые удачные решения у таких «плановиков», как Сакс.

Эндрю Берг,
Департамент разработки
и анализа политики МВФ